

РОШАЛЬ
ШАНТЬЕ

Его

ВОПРОСЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Рошаль Шантье
Его вопреки

«Автор»

2026

Шантье Р.

Его вопреки / Р. Шантье — «Автор», 2026

— Смотри, вон он! Лесовский Демьян, — шепчет Саша, указывая на парня у спортивной машины. Я замираю. Фамилия — чужая. Но это он. Тот, кто в детдоме спас от смерти. Кто стал моим героем. А потом исчез. Предал, оставив нателный крестик и пустоту. Демьян Лесовский — наследник огромного состояния. Жесткий. Надменный. Уверенный в себе. Смотрит так, будто мы едва знакомы. Но в его глазах — тот самый мальчик. Мой. И я не знаю, кто из нас предал сильнее: он — меня? Или я — память о нём?

История Марии Лунёвой и Демьяна
Лесовского

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Рошаль Шантье

Его вопреки

Пролог

Мы слишком близко. Я близко к нему. Настолько, что чувствую дыхание на своей щеке. Он пахнет мятой и табаком. Раньше был выше меня, уверена, и сейчас тоже, когда выпрямится во весь рост. Сейчас он оперся на дверь своей дорогой машины, и это облегчает задачу.

Протягиваю руку. Она дрожит так, будто я пробежала сотни километров. Но уверена, даже тогда адреналин колотил бы меня меньше. Сейчас же моё дыхание сбито настолько, что, кажется, никогда уже не вернётся в норму... Но я касаюсь ледяными пальчиками его горячей щеки.

Сначала легко, только кончиками пальцев, потом увереннее и ещё...

– Настоящий... Это правда ты? Я сошла с ума... – забвенно выдыхаю.

Он молчит. Смотрит, не мигая. Я провожу пальцами по виску, очерчиваю бровь, спускаюсь к губам. Там, чуть ниже, на подбородке, должен быть шрам. Он получил его из-за меня. Защищал.

Касаюсь большим пальцем и глаза мои, наверное, становятся словно блюдца. Потому что шрам есть.

Господи, моё сердце сейчас остановится, настолько бешено оно трепещет.

– Демьян... – как подтверждение, упрёк. Да что угодно!

– Жемчужная моя... Ундина...

Глава 1

– Манька! Манька, твою ж...! Ох, впоймаю треклятую, я тебе покажу! – слышится тёткин рёв и я, мгновенно подорвавшись с самодельной кровати, ещё не разлепив глаза, несусь к выходу из сарая.

Здесь, пока тепло, я и сплю. Благо, август на дворе. На скамейку старый плед бросила и можно не переживать, что к тебе вломится пьяное нечто.

– Я здесь, тётъ Нюр! – кричу, заперев деревянную дверь на засов и скоренько шмыгнув за угол. В этой стороне у нас огород, можно отвертеться.

– Ты здесь что разгуливаешь спозаранку?! – упирает массивные руки в широкие бока и окидывает недоверчивым взглядом.

Не женщина – рентген. И ложь чует. Но я обучена.

– Грядки смотрела. Полоть сегодня или нет, – отвечаю, и оком не моргнув. И приближаюсь спокойно.

Это ей видится, что спокойно. На деле же сердце бьется гулко, словно запертый в клетке воробей. Если хотя бы заподозрит, что вру...

– Ишь ты, бездельница! Лишь бы лежебочничать! Полоть, конечно! Полоть! А сейчас марш домой! Мужиков кормить пора, а я пойду подремаю малость. Поздно легли сегодня.

Знаю, что поздно. Потому что тоже не спала, дежуря около окна. Замок на двери комнаты хлипкий. И если кто ломиться станет – точно не выдержит и поддастся. Замок – не я, упираться не станет. Поэтому и сплю на лавке. Лучше уж там. На кровати удобней, но неизвестно, чем ночь для меня кончится. Зимой вот, сна никакого.

Так и живём. Надеюсь только, что поступлю на бюджет да учиться поеду в столицу. Вот тогда жизнь наладится. Или хотя бы станет сносной. А пока этого не случилось и списков зачисленных на сайте нет, топаю в дом и сразу на кухню, чтобы поставить огромную кастрюлю и начать готовить завтрак на ораву. Алкоголики или тунеядцы, а жрать хотят одинаково.

– Проснулась уже, Манечка?

От этого голоса я вздрагиваю. Но не оборачиваюсь, чтобы взглядами не встречаться. Я знаю, каким он будет, взгляд его, и не хочу.

– Выспалась сегодня? – молчу. Просто киваю. Выспишься тут, ага. – Чем кормить будешь? – не отстает он.

Проходит за моей спиной, вынуждая прижаться к плите. Сливаюсь с ней, только чтобы его не коснуться. Но мерзкая ладонь специально проходится по пояснице. Я одета в спортивные штаны и закрытую футболку на два размера больше, чтобы как можно меньше привлекать к себе внимание. Не помогает, но я продолжаю пытаться.

– Пельмени варю, – отвечаю, по инерции глядя на кастрюлю, в которой наскоро помещиваю большой ложкой. И, бросив ту на блюдце, отхожу. Подальше. Насколько узкая кухня позволяет.

Гера, друг сына тётки Ньюры, настезь распахивает приоткрытое окно в тяжелой деревянной раме. Выбивает из пачки сигарету, чиркнув спичкой, поджигает. Кидаю опасливый взгляд: руки у него дрожат, лицо опухшее после вчерашней попойки. Я невольно морщусь, а внутри и вовсе передергивает. Сколько себя помню, у нас так. И всё равно не привыкла. И не смогу никогда.

Уехать. Всё, что хочу – уехать.

– Нос всё воротишь и воротишь... – усмехается он, – Гордая, да? Городская! – заводится он. Злитесь. Это для меня плохо.

– Чай сделать? – надеюсь перевести тему.

Сбежать отсюда не получится. Гера уже зацепил меня и если я посмею уйти, воспримет это как неуважение. Защищать меня некому. Проходили. А ещё пельмени на плите, убегут или переварятся – тётка устроит...

Прелесть, куда не кинься.

– Давай чай, – соглашается он. А потом подходит к тумбе, на которой покоится оставленный с плиты чайник и облокачивается на неё спиной.

Чтобы забрать и вскипятить его, нужно близко подойти к Гере и обнять его одной рукой, потянувшись за чайником. И Гера это знает. Специально встал вот так. А теперь проходится по мне сальным взглядом. Опухшими, воспалённо-красными глазами. Разглядывает открыто, не стеснясь и не таясь. С претензией смотрит. Медленно, будто ощупывает. Куда деваться-то? Ежусь внутренне, внешне пытаюсь оставаться спокойной. Мне кажется, если дам слабину – хуже будет.

– Чего остановилась, а? – провокационно дергает уголком обветренных сухих губ, – Ты уже баба взрослая, Манечка. Почти восемнадцать.

– Семнадцать ещё, – хватаюсь за спасительную цифру.

– Через две недели восемнадцать, – настаивает он, – и уже по закону можно.

– Без согласия хоть в семнадцать, хоть в сорок, Гера, – обрубываю. Но голоса своего не узнаю. Сел от нервного напряжения.

– Это в городе, Мань, а мы в деревне. Тут на бабу замаранную знаешь, как посмотрят, если рот откроешь? На всё село слава будет! А я и замуж тебя возьму. Добродетель! – он криво улыбается, а я морщусь. Открыто. Не могу сдержаться.

Плевать мне на болтовню, на слухи. Нашу семью и так десятой дорогой обходят. Понятно почему. И меня жалеют.

Дверь хлопает, я опасливо оглядываюсь, но заведев тётку Ньюру, расслабляюсь.

– Герочка, встал уже? Чего в такую рань? – она останавливается в дверях, – Сколько ещё возиться будешь? Люди на кухню собираются! – рывкает, обращаясь ко мне.

– Сейчас всё сделаю, – вздыхаю я. Лучше не спорить. Не о чем спорить. Уехать бы. Только за эту мысль и держусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.